

Валерий Брюсов

Борьба с клерикалами во Франции

Валерий Яковлевич Брюсов

Борьба с клерикалами во Франции

«Борьба церкви с государством нигде не достигает такой остроты, как в католических странах. Причин этому много. Католическая церковь – учреждение международное не только в идее, но и in re. У неё поныне есть единый глава, воплощающий её стремления и притязания. Она с особой решительностью развила и поддерживает учение о первенстве духовной власти над светской и т. д. В историческом ходе событий победа постоянно остаётся на стороне государства. Шаг за шагом, век за веком, оно вытесняет церковь из всех областей политической жизни. Из двух мечей, о которых когда-то говорил Бонифаций VIII и которые оба должны были направляться единой волей, – остался только один, и тот не в руках церкви...»

**Валерий Брюсов
Борьба с клерикалами
во Франции**

Борьба церкви с государством нигде не достигает такой остроты, как в католических странах. Причин этому много. Католическая церковь – учреждение международное не только в идее, но и in re[1]. У неё поныне есть единый глава, воплощающий её стремления и притязания. Она с особой решительностью развила и поддерживает учение о первенстве духовной власти над светской и т. д. В историческом ходе событий победа постоянно остаётся на стороне государства. Шаг за шагом, век за веком, оно вытесняет церковь из всех областей политической жизни. Из двух мечей, о которых когда-то говорил Бонифаций VIII и которые оба должны были направляться единой волей, – остался только один, и тот не в руках церкви.

Во Франции уже революция провозгласила принцип безраздельного господства светской власти. Во время революционного правления церковь была лишена всякого участия в государственных делах. Религия была обращена в дело совершенно личное. Наполеон нашёл нужным восстановить договор с Ватиканом, «конкордат». Правительство опять взяло цер-

ковь в своё ведение. Оно предоставило церкви некоторые самостоятельные права (напр., учреждать училища), официальные почести и стало платить жалованье клиру. Реставрация 1814 года удержала конкордат. Из позднейших французских правительств монархические всегда дружили с церковью, хотя до полного мира никогда не доходило: церковь чувствовала себя всё же униженной.

Знаменитый «Syllabus», изданный Пием IX в 1864 году, в сущности осуждал весь строй современного государства. Иначе и не могло быть. Современная западная государственность, сознательно или бессознательно, – социалистична. Она ищет своего последнего основания в земном начале – в народном суверенитете. Задачи, какие она себе ставит, имеют значение только при позитивных предпосылках, при убеждении, что назначение государства – поудобнее устроить жизнь граждан, позаботиться, чтобы они были сыты и чтобы им было весело (*panem et circenses!*[2]). Эта государственность по самой своей сущности должна быть враждебна всему, где есть мистический элемент, – церкви, религии.

Третья республика во Франции, с самого своего возникновения, начала решительную борьбу с последними остатками церковной самостоятельности в государстве. И по мере того, как власть переходила всё более и более к радикальным партиям, ожесточённость этой борьбы усиливалась, потому что сторонники церкви, клерикалы, по естественному чувству сопротивления, всё теснее сближались с монархическими партиями. Ещё недавно, в марте этого года, герцог Орлеанский писал: «Более чем когда-либо события доказали теперь неразрывную связь между делом церкви и делом короля... Для французской церкви независимость и спасение существуют только в монархии». К непобедимой логике исторических событий, делавшей из сторонников современного государственного строя врагов Риму, примешивалась естественная вражда двух политических партий.

Мы присутствуем при последнем акте борьбы. Конечно, и здесь на первом плане, видные отчетливо и явно, стоят не «церковь» и «государство», а только клерикалы и радикалы: на наших глазах ведут борьбу две пар-

ламентские партии. И радикалы только говорят, что хотят «освободить народ от власти суеверий», в действительности же стремятся ослабить ещё больше католическую партию и лишить её возможности влиять на избирателей. Клерикалы же одушевлены вовсе не заботой о «царствии Божием на земле», а злобным желанием сломить во что бы то ни стало торжествующих республиканцев, или хотя бы причинить им побольше неприятностей. Но независимо от воли всех этих наёмных делателей истории, от всех этих профессиональных политиков, в руки которых отданы теперь судьбы Франции, независимо от воли г-на Комба, самодовольного в своем цинизме, и от воли фабрикантов ликёра, монахов-чертозинцев, – во Франции всё же совершается важное историческое событие. Франция, в свою очередь, подступила к моменту отделения церкви от государства, к полному разрыву – как государство – с Римом.

В самой истории борьбы больше забавных анекдотов, чем серьёзного содержания. Правительственная партия, подсчитав голоса,

была заранее уверена в победе и держала себя с наглой самоуверенностью более сильно. Её ораторы не считали нужным тратить энергии, и речи их были до смешного бессодержательны. Ораторы оппозиции говорили, но зная, что защищают безнадежное дело, заботились более всего о красивости речи. Они доказали, что искусство произносить «бессмертные» фразы ещё не вымерло во Франции. С обеих сторон было сказано много неуместного. Радикалы показали ещё раз, что под «свободой», о которой они кричат, надо разуместь свободу исповедывать их, т. е. «радикальные» мнения. Все другие взгляды и убеждения они считают не только вздорными, но и непременно нечестными, постоянно намекая, что их противники держатся этих мнений ради каких-либо корыстных целей. Духовные конгрегации, о распущении которых шла речь, обвинялись в самых невероятных преступлениях, в том, что они эксплуатируют призреваемых старух, насилюют воспитываемых девушек и т. д. Клерикалы не оставались в долгу. Правда, они охотно допускали, что их противники искренно испо-

ведуют свои «безбожные мнения», но зато обвиняли их в таких пороках, в таком поведении, что седеньких гг. депутатов радикальной партии надо было счесть прямо жителями Содома и Гоморры. Не щадили ни самого Комба, ни даже его детей. Сына его упорно обвиняли в вопиющем взяточничестве. Старик Комб, после одного из оскорблений, даже замахнулся на говорившего депутата кулаком.

Далеко нельзя сказать, чтобы страна сочувствовала реформам своего правительства. Даже в самом Париже у клерикалов десятки тысяч сторонников. В честь изгоняемых конгрегантов устраивались шумные манифестации. Борьба вносилась в кафе и в театры. На представлении новой пьесы Октава Мирбо «Les affaires sont les affaires»[3] зрительный зал делился на две партии: одна рукоплескала антиклерикальным выходка Леша, другая свистала им и покрывала рукоплесканиями реплики старого аристократа, маркиза де Порселэ. В церквях много раз доходило до драки между сторонниками двух партий. При закрытии различных, отныне запрещённых учреждений, принадлежавшим конгре-

гациям, приходилось пускать в ход военную силу. Ожидаются и прямые народные восстания в защиту гонимого духовенства. В «мужском паломничестве» в Лурд приняли участие бесконечные толпы верных, наводнившие и затопившие маленький городок в Пиринеях.

Не очень прочно и положение Комба с его партией в самой палате. Большинство, которым он располагает, ничтожно и составляется каждый раз искусственно. Победа по вопросу о конгрегациях зависела от того, чью сторону займёт одна из самых маленьких групп в палате – Union démocratique[4]. Она нередко рукоплескала ораторам оппозиции. Если бы она подала голос против закона о конгрегациях, закон не прошёл бы. Фактически в руках этой небольшой кучки лиц было всё решение вопроса. Её вождь, Этьенн, посетил Комба и предложил ему компромисс: его группа поддержит министерство, если оно взамен того не будет препятствовать изгнанным конгрегациям продолжать своё дело в колониях. Комб принужден был уступить. При самом голосовании ходатайств конгрега-

ции правительство имело на своей стороне очень небольшое большинство. Первая группа ходатайств была отвергнута 300 голосов против 257. Когда крайняя левая потребовала, чтобы правительство довело своё дело до конца и внесло бы в палату закон об отделении церкви от государства, — Комб не решился на это, хотя и заявил себя сторонником отделения. Он не понадеялся на силы своей партии.

Предложение было внесено социалистами и отвергнуто большинством 265 голосов против 240. В числе большинства голосовали 39 депутатов правительственной партии. Раскол проникает даже в самый кабинет. По очень существенным вопросам религиозной политики с Комбом не согласны министры Шомье и Делькассе.

Возможно, что теперешний кабинет так и не разрешит задачи. В очень многом он идёт против воли французского народа. По самому ничтожному поводу Комб может остаться в меньшинстве и принужден будет уступить власть своим соперникам. Но ход истории за его начинания. Отделение церк-

ви от государства – историческая необходимость. Светская государственность должна восторжествовать до конца. И это будет началом истинного возрождения для церкви. Силы вернутся ей только тогда, когда она перестанет влачить то униженное положение, в котором находится теперь. Пшеничное зерно не оживёт, если не умрёт.

<Апрель 1903>

Сноски

в вещи (лат.)

[^^^]

Хлеба и зрелищ! *(лат.)*

[^^^]

«Дела есть дела» (*фр.*)

[^^^]

4

Демократический союз (*фр.*)

[^^^]